

Существует ли русская философия как таковая?

А. Н. Муравьев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Муравьев А. Н.* Существует ли русская философия как таковая? // Философия истории философии. 2021. Т. 2. С. 376–391.

<https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.124>

На основе конкретного тождества национального и универсального в истории философии в статье проводится определенное различие между существованием и сущностью русской философии. Исходя из этого различия, автор выделяет предпосылки, необходимые для того, чтобы универсальное содержание классической философской мысли обрело в России свою национальную форму. Особое внимание он обращает на решающую предпосылку начала этого процесса. Ее создание напрямую зависит от тех, кто сегодня преподает на философских факультетах отечественных университетов историю философии как основную дисциплину специального философского образования. Им предстоит прекратить преподавание этой академической дисциплины лишь как истории множества философских учений и теоретически освоить ее как историю единой философии как таковой. Сделать это, разумеется, нелегко, но если преподаватели истории философии не научатся раскрывать внутреннее единство всех классических философских учений от Фалеса и Парменида до Шеллинга и Гегеля включительно, то философия в нашей высшей школе окончательно выродится в филодоксию, т.е. в любовь ко мнениям тех или иных, пусть даже превосходных, философов. Эти мнения имеют исключительно субъективную, особенную и случайную, а не всеобщую и необходимую (объективную, или научную) значимость. Рассмотрение различных аспектов этой немаловажной теоретической и практически-педагогической проблемы приводит автора статьи к выводу, что только ее решение позволит русской философии превзойти свое региональное значение и сделаться философией мирового класса, или философией как таковой.

Ключевые слова: русская философия, классическая философия, история философии, философское образование.

На первый взгляд, этот абстрактный вопрос, если рассматривать его не с одной лишь этнической стороны, а в ракурсе конкретного, т.е. в себе различенного, тождества национального и универсального (иными словами, особенного и всеобщего) в истории философии, оказывается, напротив, вполне конкретным. Он отнюдь не выражает сомнения в эмпирическом существовании единичных явлений русской философской мысли, многие из которых обладают ярко выраженной

особенностью, отличающей, скажем, взгляды Владимира Соловьёва от взглядов Григория Сковороды, а убеждения Эвальда Ильенкова от убеждений Михаила Лифшица. Нацеленный на раскрытие всеобщей сущности этих единичных явлений, заданный вопрос обретает более глубокий, теоретический смысл: существует ли русская философия по существу — так же, как существуют классическая русская литература, русская классическая музыка, русский классический балет, классический русский театр и классический русский кинематограф? Поскольку слово *классическое* означает именно *первоклассное* (т.е. наиболее развитое в своем роде, возникшее в определенное время, но имеющее превосходное качество, а потому и непреходящее мировое значение), постольку во всех этих областях наши достижения являются достижениями такого класса и признаются в качестве таковых.

Цель предлагаемой статьи — дать по возможности разумный ответ на вопрос, обозначенный в ее заглавии, ибо рассудочного ответа на него по принципу «или-или», требующему дилемматически либо утверждать, либо отрицать существование русской философии как таковой, в настоящее время дать уже нельзя, как нельзя категорически только утверждать или только отрицать существование ребенка во чреве беременной до его рождения.

Те, кто безоговорочно утверждают, что русская философия как таковая существует, называют имена, представляющие тысячелетнюю историю отечественной философской мысли, начиная с митрополита Киевского Илариона, любомудра XI в., и кончая здравствующими в XXI столетии персонами. Наиболее полные на текущий момент сведения об этих лицах, образуемых ими сообществах, тематике и проблематике их размышлений собраны в последнем издании энциклопедии русской философии [1]. Однако трудно не согласиться с замечанием, что в своем абсолютном большинстве это — имена лишь региональных, исключительно национальных деятелей философской культуры. Деятели такого масштаба есть у всех других народов, вступивших на путь философского образования своего духа, в том числе, например, у братского сербского народа [2]. Их работы вряд ли известны преподавателям философии в Сорбонне или в Гейдельбергском университете при условии, что они — не выходцы из России. Русских философов мир не знает, а если знает, то равными их Платону и Аристотелю, Декарту и Спинозе, Канту и Гегелю, или, по меньшей мере, Федору Достоевскому и Льву Толстому (статьи об этих великих русских писателях и мыслителях есть в указанной выше энциклопедии, хотя известно, что они, питая интерес к некоторым философским учениям и высоко оценивая их, специально философией как таковой не занимались) не признаёт. Разумеется, не

мировое признание придает национальному духовному феномену его универсальное, всеобщее, существенное значение. Это признание служит лишь показателем, индексом его существенного значения самого по себе, но из отсутствия такого признания следует вывод, что существование русской философской мысли пока еще не вполне значимо, ибо процесс явления в ней сущности философии как таковой до сих пор не завершен.

Сделанное заключение прямо наводит на мысль, что проблема отношения национального и универсального в философии выступает прежде всего в своем феноменологическом аспекте, по которому философия принимает участие в процессе образования национального духа того или иного особенного народа как всеобщее основание и цель этого процесса (см. об этом: [3, с. 157–186; 258–276]). Для народов, способных стать действительными (а не только потенциальными, если не лишь самозванными) нациями, философия со времени ее возникновения есть не роскошь, а насущно необходимый духовный феномен. Это и побуждает их пестовать у себя свою, национальную философию, до поры мирясь с тем, что она не является первоклассной, классической философией, или философией мирового уровня. В предисловии к первому изданию «Науки логики» Гегель метко сравнил образованный народ без философии с храмом, пусть даже многообразно украшенным, однако лишенным алтаря. Согласно великому немецкому идеалисту, искусство делает храм народного духа прекрасным, религия его освящает, но только философия есть его истинная святыня — святая святых. Без нее, как и без своего национального государства, которое в гегелевском сравнении не фигурирует, поскольку это государство подобно зданию того храма, где есть всё, чему в нем полагается быть, народ еще не является истинным народом, т. е. нацией по существу. Как бы ни были близки духу народа его искусство и его религия, они без философии народ к познанию истины не приобщают, так как не в состоянии удовлетворить абсолютную потребность объективного народного духа и, стало быть, субъективного духа представляющих этот народ индивидов в понятии истины как таковой. Искусство дает индивидам и народам возможность непосредственно знать истину в форме связанного с чувствами созерцания истинной красоты, воплощенной в его шедеврах, а религия сообщает им ее в форме опосредствованного рассудочным мышлением сверхчувственного представления о божестве, или истинном благе. Созерцание красоты в искусстве и религиозное представление о благе, конечно, подвигают дух к познанию истины как таковой, но они еще не есть ее вполне разумно мыслимое понятие, которое познаёт лишь философия (см. об этом: [3, с. 113–125]). Поэтому без философии искусство скорее

скрывает, чем раскрывает единую истину во множестве ее прекрасных образов, а религия остается без нее лишь в той или иной степени слепой верой в непознанного бога, рискуя из-за этого вместо истинной веры обернуться языческим суеверием ее фанатиков.

Из вышеизложенного понятно, почему уже три десятка лет (с того времени, как народы нашей страны лишились не только Советского государства, но заодно с ним и марксистско-ленинской философии, догматически насаждавшейся у нас в пику так называемой «буржуазной философии») на философских собраниях в России довольно часто обсуждается проблема дальнейшего развития русской философии. Правда, обсуждение этой проблемы, как правило, сводится к дебатам об особенностях русской формы философствования — к спору о том, чем отечественные философы как русские или воспитанные в русском духе мыслители отличаются от мыслителей, представляющих культуры иных народов. Специфика отечественной культуры сообщает, конечно, философствованию на ее почве своеобразный характер, но нельзя не заметить, что, вопреки требованиям языка, ударение в этом споре обычно делается на прилагательном *русская*, а не на существительном *философия*. Столь явный местный акцент выразительно указывает на то, что при этом упускается из виду главное — всеобщее, или универсальное философское содержание, наличие которого в любой особенной, или национальной, форме философии только и делает ее формой развития классической, настоящей, истинной философии, или философии как таковой.

Поэтому разумный ответ на вопрос, существует ли русская философия как таковая, требуется начать с предпосылок, необходимых для того, чтобы универсальное содержание классической философской мысли обрело у нас свою национальную форму. К эмпирически уже существующим предпосылкам ее обретения относится, во-первых, весьма высокий уровень философской культуры, достигнутый выдающимися отечественными мыслителями XIX и XX вв. Если измерять этот уровень самой высокой мерой (как говорится, по гамбургскому счету), то после Гегеля он определяется тем, насколько эти мыслители путем изучения истории философии подготовили себя к освоению и дальнейшему совершенствованию логического метода, открытого этим философом в результате исторического развития классической философской мысли (см. об этом: [3, с. 187–257]). Во-вторых, к числу таких предпосылок принадлежат также переводы на русский язык почти всех произведений классиков мировой философии, причем основная масса этих переводов появилась в советский период истории России. В-третьих, к этим реальным предпосылкам следует отнести сеть факультетов выс-

шего профессионального философского образования, тоже развернутую при советской власти. В первые годы после упразднения этой власти, когда новое российское государство не препятствовало саморазвитию образования, их количество даже умножилось, но хотя в последнее время некоторые российские университеты по его инициативе были вынуждены упразднить свои философские факультеты, преподаватели философии пока еще имеют институциональную возможность совершенствоваться на них философское образование духа русского и других народов России.

Однако перечисленных предпосылок недостаточно. Чтобы после тысячелетия потенциального существования (так сказать, эмбрионального развития) русской философской мысли в виде множества ее единичных явлений родилась, наконец, русская философия по существу, или как таковая — как национальная философия, действительно имеющая мировое, универсальное, классическое значение, необходима четвертая, *решающая* предпосылка. Ее создание напрямую зависит от тех, кто сегодня преподает на философских факультетах отечественных университетов историю философии, эту основную дисциплину философского образования. Им предстоит прекратить преподавать историю философии как историю множества учений разных философов (т.е. воспринимать ее такой, какой она выступает лишь эмпирически, внешним образом, на своей поверхности) и теоретически освоить ее как историю единой философии как таковой (подробнее об этом см.: [3, с.277–308; 4]). Без этого невозможна разработка в нашей стране классической философской мысли, представляющей собою дальнейшее развитие философии в мировом масштабе. Теоретически освоить историю мировой философии как единое целое, разумеется, отнюдь не легко, но если преподаватели истории философии не научатся раскрывать внутреннее единство всех классических философских учений от Фалеса и Парменида до Шеллинга и Гегеля включительно, то философия в нашей высшей школе окончательно вырождается в филодоксию¹. Вместо *любви к высшей мудрости самой по себе и для человека*, как опре-

¹ *Филодоксия* — термин, введенный Платоном для обозначения того, чем занимались софисты, и подхваченный Кантом. Кант углубил установленное Платоном принципиальное различие между *философией* и *филодоксией* (между любовью к мудрости и любовью ко мнениям), указав в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» на двух противников метафизики как науки — на догматизм «болтливой поверхностности, присвоившей себе претенциозное имя популярности», и скептицизм, «который быстро расправляется со всей метафизикой». Их сторонники, по словам Канта, стремятся «вообще сбросить оковы науки и превратить труд в игру, достоверность — во мнение, а философию — в филодоксию» [5, с.34–35].

делил первую философию Аристотель, в ней воцарится любовь ко мнениям тех или иных, пусть даже превосходных, философов — мнениям, которые как таковые имеют исключительно субъективную, особенную и случайную, а не всеобщую и необходимую (т. е. объективную, научную, или теоретическую) значимость.

Недостаток этой решающей предпосылки усугубляется в последнее время одним неблагоприятным фактором, имеющим, судя по всему, иностранное происхождение. Известный американский деятель современной философской культуры Джон Сёрл в разговорах с Густаво Файхенбаумом откровенно признался в том, что в качестве студента философского факультета Оксфордского университета он познакомился с историей философии весьма фрагментарно: «Я изучал историю философии Нового времени, прежде всего Декарта, Локка, Беркли и Юма. Но я вообще не изучал Канта, Лейбница или Спинозу и мало касался Платона и Аристотеля» [6, р. 54], — поведал Сёрл, даже не упомянув о Фихте, Шеллинге и Гегеле, равно как о других философах-классиках. Поскольку же изученные им философы часто своими размышлениями не проясняли, а лишь затемняли интересовавшие его вопросы, постольку, заявил Сёрл, столь частичное знакомство нисколько не помешало, но, напротив, даже помогло ему сохранить оригинальность мышления и благодаря этому разработать свою «философию сознания». Это заявление Сёрла, похоже, пришлось по сердцу составителям учебных планов тех наших философских факультетов, где продолжают безжалостно сокращать плановые часы занятий классической философской мыслью. Такие действия ставят историю философии в положение отживающего свой век предмета, чье изучение продолжается лишь по старой академической традиции, которой в новых условиях предстоит быстрое угасание и замена на изучение постклассической философии. Эти акции еще более подрывают историко-философскую подготовку студентов философских факультетов российских университетов, так как она уже без того потерпела серьезный ущерб от разделения нашего высшего образования на бакалавриат и магистратуру, отнявшего у бакалавров целый учебный год, посвященный, наряду с другими предметами, истории философии. Если губительная тенденция фрагментарного изучения этой дисциплины, которая поразила ведущие университеты Европы (в США она, похоже, никогда по-настоящему не преподавалась), возобладает в России, то в таком поистине несчастном случае никто и здесь скоро не будет знать, что такое сама философия, или философия как таковая, поскольку ее нельзя знать, не зная как следует истории философии. Основание для столь неутешительного прогноза более 50 лет назад афористически сформулировал П. В. Копнин, глубоко по-

стигший внутреннее единство истории философии и философии как таковой: «История философии — это историческая форма бытия самой философии» [7, с. 260].

Академический иммунитет истории философии как основной дисциплины философского образования в отдельных российских университетах сегодня ослаблен настолько, что она подвергается крайней опасности от атак воинствующего дилетантизма, вошедшего в союз с близоруким администрированием. Чтобы содействовать избавлению ее от этой напасти, зададимся тремя принципиальными вопросами, относящимися к ее дисциплинарному статусу. Ответы на них пояснят, как достичь у нас конкретного тождества сущности и явления, универсального содержания и национальной формы философии, без чего русская философия не сможет стать философией как таковой, имеющей мировое значение.

Первый из этих вопросов гласит: почему именно история философии есть основная дисциплина высшего философского образования? На физических факультетах университетов, например, не преподают преимущественно историю физики, а стараются уделить максимальное внимание современным физическим представлениям, так как именно ими должен овладеть студент, чтобы стать компетентным специалистом по физике. Отчего же философские факультеты не могут взять физические факультеты за образец и отдать львиную долю учебных часов, ранее принадлежавших истории философии, на изучение современной философской мысли? Философское образование строить так нельзя, ибо есть существенное различие между историей философии и историями других наук, вызванное существенным различием между философией и иными науками. Философия, с одной стороны, и иные науки, с другой, различны между собою настолько, что иногда возникает сомнение, следует ли называть философию наукой, если таковой называют, например, ту же физику. Это сомнение оправдано тем, что философская наука уникальна, единственна в своем роде. Философия не случайно считалась и продолжает считаться матерью, родоначальницей всех других наук, служащей залогом их научности, а прежде ее называли даже не просто наукой, а *наукой наук*. Оттого-то история философии является не менее уникальной наукой, чем сама философия. Если для других наук важнейшим является результат (отрицательный или положительный — не важно), то для философии результат важен не больше, чем тот путь, который с самого начала реального процесса истории философии стихийно ведет к его результату. Поэтому без сознательного повторения этого исторического пути — без *методического* познания всей истории классической философской мысли — после

достижения ее результата нельзя иметь дела с предметом настоящей философии, или философии как таковой.

Определение *методическое* производно от слова *метод*, пришедшего к нам, как и сама философия, из древней Эллады. На древнегреческом языке слово *μέθ-οδος* означает не просто *όδος*, или *путь*, а *повторный путь*, т. е. *путь по следу* однажды уже от начала и до конца пройденного пути. Прошлое, настоящее и будущее философии неотделимы друг от друга постольку, поскольку в ней не только истина как предмет познания играет главную роль, но и метод познания этого предмета играет ту же самую (столь же существенную, ведущую) роль. Неистинным мышлением познать истину нельзя, ибо она не сводится лишь к бытию или к мышлению, а есть *процесс отношения мышления и бытия*, познание которого невозможно без философского метода мышления. Этот логический метод возникает в ходе истории философии и шаг за шагом определяет истину в каждом из выступающих в ней классических философских учений (см. об этом: [8]). Поскольку историческое развитие философии как таковой есть стихийное достижение трудами великих философов сознательного познания истины логическим методом, постольку непосредственного обращения к их трудам в философском образовании духа не избежать. Без освоения всех этих трудов начало, ход и логический результат истории философии не могут быть адекватно восприняты, осмыслены и поняты. Последнее положение объясняет, почему даже самый хороший учебник по истории философии (и, тем более, по философии) не может заменить изучения работ мыслителей, трудившихся на философской ниве и тем самым культивировавших философию как таковую. Как бы превосходно эти учебники ни были написаны, их авторы в состоянии лишь подготовить, определенным образом направить изучение произведений классиков философии, но никоим образом не заменить его. Учебники не могут удовлетворить того, кому требуется сделать своим единое идейное содержание истории философии и самой философии, ибо это их содержание, в отличие от содержания современной физики и истории физики, просто нельзя выразить в форме учебника — в более или менее кратком и доступном для многих виде. Поэтому перед духовным индивидом, который намерен стать причастным к философии как таковой, стоит двуединая задача. Во-первых, этому субъекту надлежит подойти к ней объективно, что значит — тем же путем, каким пришла к себе сама философия, а пришла она к себе путем истории философии. Во-вторых, только изучая работы классиков философии и, таким образом, заново проходя этот путь, он сможет развить свои субъективные способности к занятиям настоящей, истинной философией настолько, насколько это

требуется для того, чтобы заниматься именно ею, а не псевдофилософией, которую от истинной философии без специальной историко-философской подготовки отличить, как правило, нелегко, а иногда невозможно. Следовательно, история философии как наука и академическая дисциплина действительно необходима тому, кто хочет заняться самой философией как наукой, ибо лишь первая дает ему возможность приобщиться к предмету последней, освоив процесс исторического развития логического метода познания ее предмета.

В этом выводе заключен ответ на второй вопрос: почему без истории философии знать, что такое сама философия, никак не получится? Дело в том, что история философии есть историческая форма реального существования самой философии, или философии как таковой — история одной-единственной настоящей, истинной философии, а не история определенного множества философских учений, изложенных в трудах великих философов. Недаром она называется именно историей *философии*, а не историей *философий*. Историей множества различных философских учений история философии выглядит лишь на своей поверхности, где эти особенные учения следуют друг за другом в случайной исторической последовательности, а необходимость, связывающая их воедино и составляющая их всеобщую сущность, на ее поверхности не выступает. Поэтому тем историкам философии, которые скользят по поверхности явлений истории философии от одного учения к другому и, застревая на разности философских учений, предаются их сравнительному анализу, а не погружаются в ее глубину, — к единой сущности всех исторически выступивших философских учений, — со всей очевидностью кажется, что указанной необходимости не существует. История философии, не познав которую, саму философию знать нельзя, остается для них историей *идолов театра*, по выражению Фрэнсиса Бэкона, т. е. хроникой мнений разных философов. Однако, вопреки этой эмпирической видимости, теоретически не раскрыв необходимое единство различных философских учений, появившихся в ходе истории философии, невозможно действительно свободно, а не произвольно, подобно Джону Сёрклу, отнестись к их содержанию. Собственное значение, или определенное место каждого из этих учений в историческом развитии философии как таковой, нельзя понять, если не понять весь этот процесс ее развития, необходимыми моментами которого они являются. Поскольку философия есть не филодоксия, не любовь ко мнениям разных философов, постольку история философии есть не доксография — не сколько угодно дотошное историческое описание их мнений или учений.

Отсюда следует ответ на третий вопрос: почему история философии, несмотря на первое слово в ее наименовании, есть дисциплина,

в сущности, философская, а не историческая? История философии является исторической дисциплиной лишь по своему эмпирическому материалу, который располагается на поверхности реального процесса исторического развития философии, однако по своей теоретической форме и теоретическому содержанию она есть дисциплина сугубо философская. Поэтому (вновь — вопреки эмпирической видимости, по которой один модный философ будет сменять другого на подиуме общественного мнения вплоть до конца современной эпохи, падкой на моду во всех областях человеческой жизни) история философии, представленная классическими философскими учениями от Фалеса и Парменида до Шеллинга и Гегеля включительно, есть, по существу, завершённый процесс. Он имеет не только определенное историческое начало, но и определенный конец, или логический результат, который вместе с началом и процессом исторического развития самой философии выступает как его безусловный итог. Самая трудная задача, которую предстоит решить всем и каждому, кто ставит перед собой цель философски, а не только исторически постичь философское познание, состоит в том, чтобы включить этот результат, навеки связанный с именем Гегеля, в теоретически-научное понятие истории философии в целом. Друг без друга они не могут быть поняты, ибо без гегелевской системы с ее логическим методом история философии не полна и, по сути, не завершена². Если преподаватель истории философии сам не разрешит это противоречие исторического и логического, то он не сможет помочь разрешить его своим студентам. Если же ему и его студентам удастся справиться с этой проблемой, то они вместе сделают решающий шаг к действительно современной философской мысли, которая по-новому, т. е. чисто логически, продолжит старое философское дело, исторически сделанное классиками философии от Фалеса до Гегеля включительно. Такая мысль, разумеется, не будет мнить себя независимой от классической философской традиции, чьи представители якобы только запутывают и усложняют простые вопросы, как кажется

² Логическим методом философской системы Гегеля, венчающей историю философии, было положено начало логическому развитию философии и вместе с тем открыта возможность теоретической формы других наук (см.: [8]). В § 79 «Энциклопедии философских наук» Гегель самым кратким образом сформулировал логический итог исторического развития философии, имеющий всеобщее научное значение: «Логическое имеет по форме три стороны: а) абстрактную или рассудочную, б) диалектическую или отрицательно-разумную, γ) спекулятивную или положительно-разумную». В примечании к указанному параграфу он пояснил, что «эти три стороны не составляют трех частей логики, но суть моменты каждого логически реального, т. е. каждого понятия или каждого истинного вообще» [9, S. 118; ср.: 10, с. 201–202].

Сёрлу, поскольку он именно из-за фрагментарности своей историко-философской подготовки по способу мышления впадает, что видно по его печатным работам и устным выступлениям, в далеко не современный англосаксонский эмпиризм XVII–XVIII столетий.

Итак, когда российские преподаватели истории философии освоят и научатся преподавать историю классической философской мысли как происходящее в различных философских учениях историческое развитие одного-единственного предмета — вполне разумного логического метода мышления и познания истины, который включает в себя рассудок, но не сводится к нему, тогда они внесут свой необходимый вклад в то, что русская философия прекратит быть исключительно региональным духовным феноменом и выступит как философия по существу, имеющая мировое значение. Если эта решающая предпосылка будет создана, то она станет порукой тому, что русская философия как таковая выступит законной наследницей и логической продолжительницей всей классической философской традиции. Европейская мысль со второй трети XIX в. в обоих ее господствующих течениях, рационалистическом и иррационалистическом, не сумела по достоинству оценить открытие Гегелем вполне разумного логического метода познания истины и ушла в пересказ на языке современности старых точек зрения на предмет и метод философии. Поэтому в постклассической философии мы имеем дело со множеством случайных возобновлений уже пройденных моментов исторического развития философии — возобновлений, свидетельствующих о необходимости освоения этого развития теми, кому по его окончании предстоит действительно свободно и действительно современно философски мыслить и познавать истину. Одни из философских школ современности (такие, как неотоцизм, неокантианство и неогегельянство) не скрывают своего родства с определенными историческими моментами развития классической философии, другие — претендуя на самобытность, стараются его не афишировать. Однако, не играя словами, можно говорить о неостоцизме экзистенциалистов, о неокартезианстве трансцендентальных феноменологов, о новейшем (не совпадающем с античным и ренессансным неоплатонизмом) платонизме представителей герменевтики и, равным образом, о новейшем (т. е. отличном от древнего скептицизма Пиррона и Секста Эмпирика, а также от нового скептицизма Юма) скептицизме мыслителей постмодерна. За каждым из этих и других, неназванных, явлений современного философствования стоит какое-то явление истории мировой философии или истории мировой культуры (так, учение К. Г. Юнга представляет собою, с этой точки зрения, неомифологию XX столетия). Плестись в хвосте такого, в сущности, ретроградного

движения, кажущегося прогрессом только его приверженцам, деятелям современной российской философской культуры не к лицу. Поскольку на Западе достижения классической философской мысли считаются как бы музейными экспонатами — свидетельствами славных, но прошедших эпох, предметом лишь исторического, или, как иногда говорят, *антикварного* интереса, постольку этому прошлому философии как таковой предстоит стать настоящим достоянием русского духа. При этом условии он в будущем, несомненно, даст миру то, что по праву будет носить имя классической русской философии. Наша национальная философия будет обладать универсальным содержанием даже в большей мере, чем классическая древняя (греческая и римская), новая (развивавшаяся представителями разных новоевропейских народов) и новейшая (т. е. классическая немецкая) философия, ибо она будет опираться на историю классической философской мысли, освоенную ею целиком и полностью, включая ее логический итог.

Именно ради того, чтобы сделать существование русской философии действительно существенным, следует продолжать заниматься философией на нашей земле, причем не менее интенсивно и более тщательно, чем другими насущными делами. Эти занятия имеют для нас самый значительный практический смысл, потому что наше будущее как индивидов и народов, живущих в России, зависит, помимо других факторов, от того, как мы в настоящем отнесемся к истории мировой философии, составляющей непреходящее прошлое действительно разумного мышления. Не освоив это прошлое с помощью истории философии как науки и академической дисциплины, невозможно научиться вполне разумно мыслить не только саму истину, но и любой другой предмет, ибо он есть не что иное, как реальность истины, ее наличное бытие. Действительный разум есть не естественно формирующийся у человека и не искусственно конструируемый людьми интеллект, а логический итог исторического процесса развития классической философской мысли — итог, достижение которого потребовало трудов великих мыслителей в течение двадцати пяти столетий. Именно он необходим нам для вполне разумного решения всех стоящих и встающих перед нашей страной проблем, так как военно-политические события самого последнего времени ясно показали, что один лишь рассудок вместе со всеми своими сколь угодно продвинутыми цифровыми технологиями обеспечить такое решение не в состоянии.

В заключение вернемся к многообразным единичным явлениям русской философской мысли, об эмпирическом существовании которых речь шла в начале статьи. Вместе с историческим развитием философии как таковой они подготавливали национальное образование

русского духа — образование, основой которого предстоит стать только по-настоящему современной, т.е. логической, философии (см. об этом: [3, с.258–276; 308–323]). Противоречивое феноменологическое единство природного, общественно-исторического, художественного и религиозно-философского материала, тысячу лет почти безраздельно занимавшего эту мысль, при указанной решающей предпосылке непременно разрешится в понятие логической философии как таковой. «Во Франции на что нужна мысль? — Чтоб ее высказать. — В Англии? — Чтоб привести ее в исполнение. — В Германии? — Чтоб ее обдумать. — А у нас? — Ни на что! — И знаете ли почему?» [11, с.171], — остроумно спрашивал Пётр Чаадаев, формулируя тем самым загадку сфинкса российской истории и культуры. Поскольку субстанциальная тенденция русского духа к настоящему философскому образованию по необходимости итожит его чреватое классической философией религиозное воспитание, которое опиралось на изобразительное искусство (такое воспитание, прибегнув к поэтически-точному определению Евгения Трубецкого, можно назвать *умозрением в красках*), постольку, будучи осознанной, эта тенденция отвечает на последний вопрос Чаадаева, который он поставил уже не перед собой, а перед нами. Мысль в России нужна «ни на что» потому, что логическая философия необходима нам не только как начало и основание, но и как высший результат, абсолютная конечная цель образования духа, т.е. не только для чего-то другого, но и ради нее самой. Нам нужна мысль совершенно свободная, знающая саму себя во вполне разумной, логической форме ее собственного абсолютно истинного, чисто логического содержания. Именно к этой самоцели ведет реальный процесс феноменологического развития русского духа, вобравший в себя, кроме всего прочего, десятивековую историю отечественной философской мысли (см. об этом: [12]). Освоение логического метода на базе философского познания истории философского познания истины как всеобщего предмета станет благополучным исходом внутриутробного созревания этой мысли и ее родовых мук мирового значения. О мировом значении этих мук можно говорить уже теперь, поскольку русской логической философии надлежит искупить разрыв высокой и народной культуры, который выступил предпосылкой исторического развития европейской философии от Фалеса до Гегеля включительно — развития, разрешившегося гегелевской «Феноменологией духа», «Наукой логики» и «Энциклопедией философских наук». Вместе с трудами всех предшествующих Гегелю великих философов названные работы понадобятся нам для исцеления этого трагического разрыва в ходе национального образования духа русского и других народов России. Лишь процесс философского очищения субстанции русского

духа от гнетущих не только его недостатков приведет все народы нашей страны к действительной автономии. В ходе ее обретения они образуют конкретно-тождественный себе субъект — уже не гражданскую (т. е. состоящую из множества индивидов и народов), а действительно единую политическую нацию, формирующую экономические и общественные условия истинной художественной и религиозной жизни каждого из российских народов настолько сознательно и, значит, свободно, насколько это вообще возможно. Так, благодаря планомерному осуществлению намеченной самоцели, вступит в эпоху расцвета государственное строительство русского мира, их общего дома, а русская философия как таковая станет алтарем этой, по выражению Н. В. Гоголя из одиннадцатой главы первого тома «Мертвых душ», *великолепной храмины*, к которой ведет прямой и самый широкий путь познания истины, вечно развивающейся в себе самой и во времени — путь ее логического познания, начатого Гегелем в результате истории философии.

Литература

1. *Русская философия: Энциклопедия* (2022), 4-е изд., под общ. ред. Маслина, М. А.; сост. Апрышко, П. П., Поляков, А. П., Солодухин, Ю. Н., М.: Мир философии.
2. *Историја српске филозофије*. I. (2011), приред. Деретић, Ирина. Београд: Evro-Giuniti.
3. Муравьев, А. Н. (2015), *Философия и опыт: очерки истории философии и культуры*, СПб.: Наука.
4. Линьков, Е. С. (1997), *Становление логической философии*, в: Гегель, Г. В. Ф. *Наука логики*. СПб.: Наука, с. 5–16.
5. Кант, И. (1994), *Критика чистого разума*, в: Кант, И. *Собр. соч.: в 8 т.* Т. 3. М.: Чоро,
6. Faigenbaum, G. (2003), *Conversations with John Searle*, LibrosEnRed.
7. Копнин, П. В. (1973), *О методе историко-философского исследования*, в: Копнин, П. В., *Диалектика, логика, наука*, М.: Наука, с. 254–268.
8. Муравьев, А. Н. (2020), *О научно-образовательном потенциале истории философии как академической дисциплины*, в: *Философия истории философии: сб. науч. статей*, отв. ред. Дудник, С. И., Кротов, А. А., Миронов В. В., Осипов, И. Д., СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, с. 103–122.
9. Hegel, G. W. F. (1992), *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse: (1830)*, in: Hegel, G. W. F., *Gesammelte Werke*, Bd. 20, Hamburg: Felix Meiner Verlag.
10. Гегель, Г. В. Ф. (1975), *Энциклопедия философских наук: в 3 т.* Т. 1, М.: Мысль.
11. Чаадаев, П. Я. (1989), *Статьи и письма*, М.: Современник.
12. Ломоносов, А. Г. (2014), *Путь в Софию. Очерки феноменологии русского духа*, СПб.: Изд-во РХГА.

Статья поступила в редакцию 1 октября 2021 г.;
рекомендована к печати 15 октября 2021 г.

Контактная информация:

Муравьев Андрей Николаевич — д-р филос. наук, доц.; muravyovan@yandex.ru

Does Russian philosophy exist as such?

A. N. Muravev

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Muravev A. N. Does Russian philosophy exist as such? *Philosophy of the History of Philosophy*, 2021, vol. 2, pp. 376–391.

<https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.124> (In Russian)

The article draws a certain distinction between the existence and the essence of Russian philosophy on the basis of the concrete identity of the national and the universal in the history of philosophy. Based on this difference, the author identifies and examines the prerequisites necessary for the universal content of classical philosophical thought to acquire its national form in Russia. Special attention is drawn to the crucial prerequisite for starting this process. Its creation directly depends on those who today teach the history of philosophy as the main discipline of special philosophical education at the philosophical faculties of domestic universities. They will have to stop teaching this academic discipline only as the history of many philosophical doctrines and theoretically master it as the history of a single philosophy as such. To do this, of course, is not easy, but if the teachers of the history of philosophy do not learn to reveal the inner unity of all classical philosophical teachings from Thales and Parmenides to Schelling and Hegel inclusive, then philosophy in our higher school will finally degenerate into philodoxia, i. e. into love for the opinions of certain, even excellent, philosophers. These opinions have exclusively subjective, special and accidental, and not universal and necessary (objective, or scientific) significance. Consideration of various aspects of this important theoretical and practical-pedagogical problem leads the author of the article to the conclusion that only its solution will allow Russian philosophy to surpass its regional significance and act as a world-class philosophy, or philosophy as such.

Keywords: Russian philosophy, classical philosophy, history of philosophy, philosophical education.

References

1. *Russian Philosophy: An Encyclopedia* (2022), 4th ed., under the general editorship of Maslin, M. A., Comp. Apryshko, P. P., Polyakov A. P., Solodukhin Yu. N., Moscow: Mir Filosofii Publ. (In Russian)
2. *The history of Serbian philosophy* (2011), ed. Deretich, I., Beograd: Evro-Giuniti. (In Serbian)
3. Muravev, A. N. (2015), *Philosophy and experience: Essays on the history of philosophy and culture*, St Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
4. Linkov, E. S. (1997), The genesis of logical philosophy, in: Hegel, G. W. F. *The science of logic*, St Petersburg: Nauka Publ., pp. 5–16. (In Russian)
5. Kant, I. (1994), Critique of pure reason, in: Kant, I., *Sobr. op. in 8 vols, vol. 3*, Moscow: Choro Publ. (In Russian)
6. Faigenbaum, G. (2003), *Conversations with John Searle*, LibrosEnRed.
7. Kopnin, P. V. (1973), On the method of historical and philosophical research, in: Kopnin, P. V., *Dialectics, Logic, Science*, Moscow: Nauka Publ., pp. 254–268. (In Russian)
8. Muravev, A. N. (2020), On the scientific and educational potential of the history of philosophy as an academic discipline, in: *Philosophy of the History of Philosophy: collec-*

tion of s cientific. Articles, ed. by Dudnik, S. I., Krotov, A. A., Mironov, V. V., Osipov, I. D., St Petersburg: St Petersburg University Press, pp. 103–122. (In Russian)

9. Hegel, G. W. F. (1992), *Encyclopedia of Philosophical Sciences in outline (1830)*, in: Hegel, G. W. F., *Collected works, vol. 20*, Hamburg: Felix Meiner Verlag. (In German)

10. Hegel, G. W. F. (1975), *Encyclopedia of Philosophical Sciences: in 3 vols, vol. 1*, Moscow: Mysl Publ. (In Russian)

11. Chaadaev P. Ya. (1989), *Articles and letters*, Moscow: Sovremennik Publ. (In Russian)

12. Lomonosov A. G. (2014), *The way to Sofia. Essays on the phenomenology of the Russian spirit*, St Petersburg: Publishing House of the RKHGA. (In Russian)

Received: October 1, 2021

Received: October 15, 2021

Author's information:

Andrey N. Muravev — Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor;
muravyovan@yandex.ru